

Власть вместо морали

Восточноевропейский популизм подпитывают высокомерие Запада и экономическая экспансия

Читайте эту статью на немецком языке

В конце января 30 известных и уважаемых представителей интеллигенции опубликовали обращение с призывом к «борьбе за Европу» «против популистов». Среди подписавшихся фигурируют в частности такие имена, как Милан Кундера, Адам Михник, Агнес Геллер или Салман Рушди. Тем самым накануне выборов в Европейский парламент они стремились озвучить четкий сигнал и напомнить о темных периодах в истории Европы. Главное значение отводилось неизменно присутствующей во всех дискуссиях дихотомии «Европа против популистов». Однако прозвучавшее снова обращение к абстрактным европейским ценностям и к убийственному аргументу холокоста производит впечатление оторванности от реальности и вызывает непонимание на фоне многочисленных повседневных проблем и борьбы обычных людей за свое существование. Последние годы показали, что пропасть становится лишь глубже.

Книга Петры Кеппинг «Интегрируйте сначала нас!» может отчасти объяснить тот факт, почему позиция писателей и лозунги либералов типа «Евроскептики против сторонников европейской идеи» и «Прогрессисты против популистов» несут больше вреда, чем пользы, и где следует искать истинные причины. Она заставляет нас всерьез задуматься над вопросом востребованности крепнущего популизма.

Петра Кеппинг пытается объяснить феномен взлета популярности партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) в Восточной Германии. По ее утверждению, марши движения ПЕГИДА и значительно большую популярность АдГ на востоке по сравнению с Западной Германией можно в значительной мере обосновать элементами неравенства после воссоединения. А они все еще остаются закрытыми для дискуссии.

В Центральной и Восточной Европе всегда ориентировались на Запад. Его нужно было догонять.

Экономические потери вследствие трансформации и интеграции в свободные рынки приуменьшались и объяснялись необходимой ценой решения этой цивилизационной задачи.

Политика Ведомства по управлению имуществом в новых федеральных землях, повлекшая за собой вследствие приватизации большинства государственных предприятий и недвижимости западными немцами массовое перемещение имущественных ценностей с востока на запад, наступление воинствующего неолиберального капитализма, которое одновременно невозможно было себе представить в политических условиях Западной Германии, изменение жизненного уклада в течение нескольких дней, обесценивание жизненных биографий и личностей в связи с падением системы, часто встречающееся отношение к гражданам бывшей ГДР как незрелым или отсталым в своих воззрениях людям – все это оставило глубокий след. Положение еще более усугубляется резким затуханием общих настроений подъема, надежд и энергии, порожденных мирной революцией 1989 года. Отрицание этого факта или пренебрежение им подливает лишь масла в огонь. И правые умело этим пользуются. Они раскручивают «культурную псевдоревальвацию», подогревают чувство морального превосходства перед Западом и всем тем, что считается «западным импортом», в том числе ЕС.

Политическую выгоду из этого извлекает не только АдГ: в Венгрии вот уже на протяжении девяти лет у власти находится правительственная коалиция, общественная поддержка которой объясняется именно названными выше факторами, в Чехии расцветает скептицизм в отношении ЕС, в Словакии президент с либеральными убеждениями, поддерживаемая незначительным большинством, противостоит стремительно набирающим силу праворадикальным движениям.

Ведь то, что произошло внутри Германии, в одинаковой степени касается восточноевропейских стран в составе Европейского союза. Там мечтали снова стать «частью Европы», но оказалось, что

присоединиться к ней можно, лишь следуя правилам, сформулированным Западом. Демократия пришла вместе с шатким положением на рынке труда. Планы дальнейшего развития несли на себе печать превосходства перед гражданами восточноевропейских стран, якобы отставшими в своем развитии. Такую манеру поведения взяла на вооружение и либеральная, зажиточная, образованная элита восточноевропейских стран, в результате чего была утрачена связь с восприятием и опытом собственных широких слоев населения.

Восточная периферия Европы никогда не была объектом колонизации, но, невзирая на это, по историческим причинам страдает от ощущения своей неполноценности

Петра Кеппинг не ставит перед собой задачу обвинить в этом лишь Запад, она критически анализирует и вопрос об ответственности восточногерманских элит. В Центральной и Восточной Европе всегда ориентировались на Запад. Его нужно было догонять. Экономические потери вследствие трансформации и интеграции в свободные рынки приуменьшались и объяснялись необходимой ценой решения этой цивилизационной задачи. Алесандр Киоссев называет этот феномен «самоколонизацией», но совсем не из-за отсутствия уважения к странам, действительно подвергшимся колонизации, а чтобы показать, что приозошло на восточной периферии Европы, которая никогда не была объектом колонизации, но, невзирая на это, по историческим причинам страдает от ощущения своей неполноценности. Еще один болгарский политолог Иван Крыстев, часто цитируемый Кеппинг в ее книге, считает именно это главной причиной популярности правых в регионе: в статье в соавторстве со Стивеном Холмсом он описывает «политическую психологию» нынешних тенденций развития: достаточно подражательства, мы не хотим быть объектом оценок и мнений Запада, мы идем своим собственным, заслуживающим уважения путем, целенаправленно дистанцируясь от

ожиданий Запада, и тем самым провоцирующим его.

Цель книги Кеппинг состоит не в полном отрицании периода после воссоединения Германии как истории успеха. Она скорее стремится нарисовать более реалистичную картину событий. Частью этой картины является тот факт, что Запад извлек для себя выгоду из способа реализации этого воссоединения.

Единой модели Западной Европы, воспроизводимой в различном геополитическом контексте, в такой форме не существует. Обманутые надежды и неравенство – идеальная питательная почва для роста популизма, национализма и авторитарного мышления.

Между тем вопрос о бенефициарах в странах Центральной и Восточной Европы ставится в той же плоскости, что и в Восточной Германии: в политических кругах Западной Европы часто доминирует ощущение, что с востоком слишком много и долго «нянчились», а он проявляет «неблагодарность». Доходы, которые извлекает западная экономика в регионах с низкими заработными платами и уровнем налогов, в некоторых случаях многократно превышают дотации из структурных фондов, оплачиваемые за счет налоговых поступлений. Это отчетливо показал Томас Пикетти на примере стран Вышеградской группы. Этот перекокс очень хорошо осознается в регионе. Правда, иностранный капитал инвестируется в страны Центральной и Восточной Европы, но прибыль преимущественно выводится за их пределы. Цены на недвижимость достигают западного уровня. Стоимость товаров и услуг во многих местах почти не отличается от западноевропейской, так как в конкурентной борьбе с гигантами смогли устоять лишь считанные производители собственной продукции. Таким образом, очевидно, что принцип свободного передвижения товаров, услуг и капиталов на европейском внутреннем рынке сработал отлично.

Теоретически предполагаемого воздействия свободного передвижения рабочей силы на выравнивание заработной платы и

цен по состоянию на сегодняшний день практически не произошло. Такое представление с самого начала было утопическим, ибо люди далеко не столь подвижны, как товар. А там, где это случилось, их восприняли как фактор демпинга, что повлекло за собой лишь рост национализма и антивосточноевропейских настроений (в частности, в Великобритании). Часто в дискуссии о чересчур медленном сближении заработной платы восточноевропейские страны упрекают в слишком низкой продуктивности. Но при этом ее мерилом фактически является низкая стоимость труда, которая находит свое отражение в стоимости произведенного товара. Вследствие этого возникает порочный круг, при котором производительность становится оправданием для более низкого уровня заработной платы.

Такие привычные макроиндикаторы, как экономический рост или относительно низкая доля населения с доходами ниже порога бедности, с которыми на первый взгляд в странах этого региона все обстоит хорошо, почти ничего не говорят о качестве жизни людей. Минимальная заработная плата в Чехии и Венгрии с учетом паритета покупательной способности составляет лишь половину немецкой, таким образом, аргумент «более низкая заработная плата, но зато и более низкие цены» не срабатывает.

Уровень жизни значительной части населения стран Центральной и Восточной Европы с 1989 года повысился, но остается довольно неустойчивым и соответственно вызывает у многих большое разочарование. Ясно одно: единой модели Западной Европы, воспроизводимой в различном геополитическом контексте, в такой форме не существует. Вера в непреходящий прогресс оказалась иллюзией после того, как стало ясно, что нельзя говорить о прогрессе, когда его глашатаи извлекают пользу из существующих расхождений и неравенства в развитии. Ты был, есть и остаешься периферией, не в состоянии реально догнать Запад в материальном отношении, и к тебе относятся как к неравному партнеру. Ты остаешься «гражданином второго сорта», что констатирует в своей книге Кеппинг в отношении Восточной Германии. А обманутые надежды и неравенство – идеальная питательная почва для роста популизма, национализма и авторитарного мышления.

Еще одним примером существующего неравенства является кризис в сфере работы по уходу за детьми, инвалидами или пожилыми людьми. Страны Восточной Европы считаются отсталыми из-за значительно более низкого уровня занятости женщин по сравнению с Западом, при этом более высокий уровень занятости женщин на Западе связан не столько с уровнем их эмансипации, более активным

участием мужчин в уходе за детьми или людьми преклонного возраста либо развитой социальной структурой. Они скорее обусловлены неравным положением женщин Запада и Восточной Европы. Тот, кто обладает ресурсами для аутсорсинга работы по уходу за детьми, инвалидами и пожилыми гражданами, имеет возможность заниматься трудовой деятельностью. В то же время женщины из восточной периферии Европы массово перемещаются на Запад – из Румынии в Италию, из Венгрии и Словакии в Австрию, Германию или Великобританию.

Правые не предлагают вразумительных решений по устранению неравенства. Они делают ставку на чувство национальной гордости, а не на реальное преодоление расхождений в уровне жизни внутри Европы.

Большая заслуга Кеппинг состоит в правдивом описании ощущений тех, кто пережил этот переходный период, а также последствий разнообразных предпринятых мер для судеб миллионов людей и их влияния по сегодняшний день. Но психология также имеет свои границы. Сопереживание не в состоянии заменить структурный анализ, а осмысление, переоценка и примирение сами по себе не могут устранить сохраняющееся неравенство.

Очевидно, что правые не предлагают вразумительных решений по устранению этого неравенства. Они делают ставку на чувство национальной гордости, а не на реальное преодоление расхождений в уровне жизни внутри Европы. Виктор Орбан, непрерывно ведущий освободительную борьбу против врагов суверенитета Венгрии всех мастей, в то же время реализует «разделенные полномочия с концернами Audi и Mercedes».

Вместо дискуссии о морали, абстрактных ценностях и в дополнение к переосмыслению произошедшего с точки зрения социальной психологии в борьбе с популистами нам нужна прежде всего дискуссия о власти экономики над политикой, Запада над востоком, центров над периферией. Ведь этот конфликт имеет место и в странах Центральной и Восточной Европы и разрывает их изнутри: и там есть более зажиточные либеральные центры, которые сократили свой отрыв от Запада и чувствуют себя равноправными. И там с высокомерием смотрят на отставшую периферию, которая все еще якобы не осознала и не восприняла до конца «европейские ценности», не заняла цивилизованную позицию и не демонстрирует открытость навстречу миру.

Дихотомия «Проевропейские силы и евроскептики» неверна и контрпродуктивна. Линия конфликта проходит главным образом между выигравшими и проигравшими в еврозоне и на внутреннем рынке, материально процветающими центрами и отставшими от них в материальном и символическом смысле перифериями на всех уровнях. Это порождает национализм и дезинтеграционные устремления, с которыми фатальным образом пытаются бороться аргументами сугубо морального характера. В форме берущих за душу призывов предпринимаются тщетные попытки представить ЕС в качестве проекта, хранящего верность моральным принципам и ценностям, которые надлежит спасать, в то время как их отрицание зиждется на ощущении того, что экономическая сущность ЕС и его властные структуры не отвечают именно этим ценностям и морали.

Этому нужно как можно скорее положить конец, в противном случае ЕС действительно может распасться. Для начала нужно найти в себе мужество открыто говорить о проблеме неравенства. Социал-демократам Запада и Восточной Европы вместо морализаторства нужно найти язык, способный восстановить гармоническую динамику отправления власти с целью противодействия национализму и евроскептицизму. Лишь после этого совместными усилиями можно начать поиск надежных и мужественных политических решений.

Эстер Ковац
Будапешт

Эстер Ковац (Eszter Kovács) является аспирантом на кафедре политологии в Будапештском университете имени Лоранда Этвеша (ELTE). Она работает в венгерском отделении Фонда им. Фридриха Эберта, где с 2012 года курирует гендерную программу Фонда для Центральной и Восточной Европы.

Катерина Смейкалова

Прага

Катерина Смейкалова (Katerina Smejkalova) - научная сотрудница Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Праге и внештатная советница министра по социальным вопросам и труду Чехии.